

Трансформация концепта «дерево» в поэзии А. Тарковского

Овчаров Дмитрий Вячеславович

Студент Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь

Концепт *дерево* важен для Тарковского: впервые возникая в стихотворении «Дождь» (1938), он из года в год появляется в текстах поэта, постоянно эволюционируя вслед за эволюцией авторского мировоззрения. Более того, этот процесс имеет особую внутреннюю логику: понятия *дерево* и *человек* *постепенно* синонимизируются. Эта трансформация будет предметом моего исследования.

Для лирического героя Тарковского все предначертанное представляется листом одного дерева – мирового древа: *Все, что сбыться могло, / Мне, как лист пятипалый, / Прямо в руки легло* («Вот и лето прошло...», 1967). Здесь актуализируется глубочайший культурный слой. Прямо или косвенно образ мирового древа восстанавливается для разных традиций в диапазоне от эпохи бронзы (в Европе и на Ближнем Востоке) до настоящего времени. У большинства народов мира есть свое мировое дерево – характерный для мифопоэтического сознания образ, воплощающий универсальную концепцию мира, олицетворяющий ось мира. Образ древа мира засвидетельствован практически повсеместно или в чистом виде, или в вариантах: «дерево жизни», «дерево плодородия», «дерево восхождения», «небесное дерево», «шаманское дерево» и т.п. Такое дерево соединяло небо, землю и подземный мир и служило гарантом всемирной гармонии и стабильности [Топоров]. Например, в скандинавской мифологии описано дерево Иггдрасиль. Образ древа жизни Сефирот считается в еврейской культуре символом Творения. Древо жизни актуализирует мифологические представления о жизни во всей полноте ее смыслов.

Сближение важнейшего для русской культуры концепта *судьба* и представлений об окружающем мире, возникших в мифопоэтическом сознании, раскрывает особое отношение Тарковского к природе как храму. Виденье автором тайной жизни деревьев и сакрализация этой жизни (*И собеседник и ровесник / Деревьев полувековых, «Деревья», 1954*) – это первые шаги к сближению образов человека и дерева, утверждению возможности взаимопонимания между ними вплоть до слияния как формы абсолютного взаимопонимания.

Впервые понятия *дерево* и *человек* сближаются в стихотворении «С утра я тебя дождался вчера...» (1941): *И капли бегут по холодным ветвям. / Ни словом унять, ни платком утереть*. В числе стихотворений Тарковского последних лет жизни есть одно под названием «В последний месяц...» (1978). В нем образ плачущего дерева-человека сочетается с размышлениями о близости смерти: *По седым ветвям / Стекали слезы чистые, / Какими / Одни деревья плачут накануне / Всеобесцвечивающей зимы*.

Далее слияние дерева и человека происходит на уровне морфологии:

*Как дерево поверх лесной травы
Распластывает листьев пятерню
И, опираясь о кустарник, вкось,*

И вишь, и вверх распространяет ветви («После войны», 1960).

Если строка *И капли бегут по холодным ветвям* может пониматься двояко, то указание на «листьев пятерню» уже более конкретно. В «Полевом госпитале» (1964) раненые уподобляются деревьям: *Это было... / В кругу незамерзших болот, / Деревьев с перебитыми ногами...* И далее: *И марля, как древесная кора, / На теле затвердела*. В этом же стихотворении образ дерева и человек, и просто дерево: *...И ранняя весна / На цыпочки привстала и деревья / Окутала своим платком зеленым*.

Вслед за ногами у дерева появляется голова в стихотворении «Вторая ода» (1967): *Жарким деревом вниз головой*. Закономерное завершение поступательного превращения приводит к слиянию лирического героя и дерева: *Листьев не обожгло, / Веток не*

обломало... («Вот и лето прошло...», 1967). Образ лирического героя описывается в «терминах» дерева: у него свои листья, которые можно обжечь, и ветки, которые можно обломать. Здесь на первый план выходит образ дерева-человека, автор отождествляет лирического героя с деревом, его (авторская) древесная ипостась воплощает мировую ось. Мы попадаем в самый центр авторского я – процесс интериоризации завершился. Как видно, особая роль дерева мира в поэзии Тарковского заключается в том, что оно выступает как посредствующее звено между вселенной (макрокосмом) и человеком (микрокосмом) и является местом их пересечения.

На метафизическом уровне метаморфоза приобретает характер тотальности, определяющей соположение лирического героя и дерева: *А я – наместник дерева и Бога, / И осужден твоим судом за песню* («После войны»). Во внутреннем пространстве образовавшегося треугольника человек–дерево–Бог оказывается идея единства всего живого на земле – одна из основных тем поэзии Тарковского.

Следующим этапом метафизической эволюции представлений Тарковского о дереве стало стихотворение «Словарь» (1963). В нем автор впервые показал себя частью колоссального, символического дерева:

*Я ветвь меньшая от ствола России,
Я плоть ее, и до листвы моей
Доходят жилы, влажные, стальные,
Льняные, кровяные, костяные,
Прямые продолжения корней.*

В стихотворении «Вот и лето прошло...» идея о том, что человек – часть чего-то несравнимо большего, чем он сам, зазвучит в полный голос. Причем эта идея реализована именно через концепт *дерево*. В этом особенность мировоззрения Тарковского.

Проследив трансформацию концепта *дерево* в поэзии Тарковского, можно сделать следующие выводы:

1. Трансформация концепта *дерево* в поэзии Тарковского проходит *постепенно* на морфологическом и метафизическом уровнях.

2. На морфологическом уровне лексемы, описывающие дерево, начинают обозначать человеческие части тела: пальцы, руки, ноги, туловище, голову. На метафизическом уровне лирический герой сливается с мировым деревом в разных интерпретациях (дерево-Россия, дерево жизни с листьями-судьбами). В итоге в индивидуальной картине мира Тарковского лирический герой полностью отождествляется с деревом.

3. Особенностью концептуальной картины мира Тарковского является то, что ключевые понятия, такие как жизнь, человек, мир, судьба осмысливаются в текстах через концепт *дерево*.

Литература

Топоров В.Н. Древо мировое // Мифы народов мира. Энциклопедия / Гл. ред. С.А. Токарев: В 2 т. М., 1994. Т. 1. С. 398.